

Павлик Ларишкин

Сказать по правде, эта сентябрьская ночь 1943 года не очень подходила для прыжков в тыл врага. Как нарочно, светила всю луна. Ветра не было, значит, в лесу будет раздаваться гулкое эхо. А о гуле моторов, заходившего на сброс Ли-2 и говорить нечего. Его наверняка слышали километров за десять, в самом городке Старом Крыму.

И всё-таки над входом в пилотскую кабину засветилось табло «Приготовиться к сбросу». Вышел бортмеханик, держась за поручни, он открыл люки, и в салон с шумом ворвался бушующий поток воздуха. Разведчики поднялись с мест и начали выбрасывать грузовые тюки. С левого борта все шло благополучно, а справа случилась заминка. Зацепившись за что-то снизу, один из тюков не трогался с места, пока не подскочили на помощь несколько человек. Павлику Ларишкину было видно, как командир группы Василий Иванович Николаев, глянув на часы, покачал головой. Понятно, что из-за тюка упущено время, а это значит, он упадёт чёрт-те где от намеченного места, а то и вообще попадёт к фашистам.

По замыслу советского командования тринадцатилетний пионер Павлуша Ларишкин нужен в разведгруппе для того, чтобы отвлечь внимание вражеской разведки от опытного, смелого и смекалистого разведчика старшего лейтенанта И. П. Ванеева, не раз уже бывавшего в тылу врага. Павлик должен играть роль внука Ивана Петровича, которого здесь будут называть «дядей Васей». Павлику нравился «дядя Вася» за шутки и песни. Он немного похож на погибшего у Одессы Павлушиного отца. Да и Павлик чем-то напоминает Ивану Петровичу его сына Женю, оставшегося в Горьковской области. В тылу врага Павлика тоже будут называть совсем другими именем и фамилией – Володя Петров... В одном из тюков, полетевших сейчас вниз, на землю, запакован его сундучок с сапожными щётками, суконками, бархоткой. Вовка будет в тылу врага чистить сапоги гитлеровцам и узнавать разведанные о фашистах. Гитлеровцы вряд ли догадаются, что маленький чистильщик сапог – советский военный разведчик.

Когда последний тюк полетел к земле, капитан Николаев положил руку на плечо первого парашютиста. Вскоре, взявшись за вытяжное кольцо, бросился в темноту ночи и Володя. От летящего навстречу ветра сразу загудело в ушах. Гудело, пока не рвануло кверху. И сразу всё стихло. Парашют раскрылся.

Володя осмотрелся и заметил, как от самолёта продолжали отделяться, словно звенья волшебной цепочки, его друзья – другие парашютисты. Над ними вспыхивали купола парашютов. Их было двенадцать. В складках гор, в дальних голубеющих при лунном свете селениях таилась опасность. У каждого моста вражеские часовые, в лесах рыщут каратели, а тебе... всего тринадцать лет...

Наши войска ведут бои на подступах к Крыму. Советскому командованию нужны сведения о противнике. Эти сведения надо добыть так, чтоб не вызвать никакого подозрения у фашистов...

Снижаясь, Володя видел, как одного из парашютистов унесло далеко в сторону. А там, среди тёмного леса, белели домики небольшой деревушки. Видит ли это командир? Ведь в деревне могут быть гитлеровцы...

Пока Володя думал об этом, медленно снижаясь над лесом, капитан Николаев успел приземлиться. Но когда он коснулся земли, его потянуло вниз по откосу в овраг. Капитан ухватился за попавшуюся под руку корягу и, подтянувшись, освободился от

парашюта. Опытный парашютист и разведчик, трижды побывавший в тылу врага, он попадал и не в такие передряги. Тем временем над лесом ещё кружил Володя.

«Лёгко, словно пушинка», – подумал о нем капитан. Володя хорошо помнил, как впервые прыгал с парашютом. Это было под Краснодаром, где проходили подготовку к выброске. Он должен был впервые в истории совершить прыжок в возрасте тринадцати лет. Взрослые спорили: возможно ли это? Ведь парашют рассчитан на человека в девяносто килограмм, а лёгкого мальчишку, вроде него, унесёт далеко от намеченной цели. Кое-кто советовал загрузить Володю балластом. Но тогда возникала другая опасность: при касании с землёй со скоростью шесть метров в секунду юный разведчик мог поломать ноги.

И всё же, когда Вовка впервые покинул самолёт, случилась беда. Несмотря на балласт, его понесло к линии фронта. Все, кто готовил его прыжок, всполошились. В бессилье ахал спустившийся уже старший лейтенант Ванеев. Спешил к самолёту капитан Николаев, чтобы подняться в воздух и там, приблизившись насколько возможно, показать жестами, как ускорить приземление...

И когда Володя наконец приземлился и оказался среди своих товарищей, все радовались, как дети. Его обнимали и поздравляли. А вечером, окрылённый первой победой, он, фантазируя, рассказывал о своём самочувствии. И придумывал самое невероятное вплоть до того, что с высоты якобы видел даже фашистского болтуна Геббельса.

Поддерживая его настрой, старший лейтенант Ванеев спрашивал:

– А какой он из себя?

И Володя, скривив рожицу, так смастерил обезьянью морду гитлеровского прихвостня, что все валились со смеху.

Сейчас, в тылу врага, – не до шуток. Кружить над лесом куда опасней, чем над Большой землёй. И Володя стал подтягивать стропы, чтобы быстрее приземлиться. На этот раз прыжок закончился благополучно. Хоть купол и зацепился за вершину вяза, но Вовка не растерялся: рубанул вытасненным десантным ножом по стропам и тотчас оказался на земле.

В синем полумраке лунной ночи разведчики хлопали в ладоши – это был пароль, получив ответные хлопки – отзывы, они шли навстречу друг другу и обнимались, как после долгой разлуки. Забазировав под камнями и прошлогодней листвой парашюта, они спешили к месту сбора, следуя по компасу.

Прибывший туда Володя узнал, что Кости Богданова, Бориса Колядина, а также Ивана Воронина пока не было. Решили их подождать. Вдруг в лесу загромыхали несколько выстрелов.

– За мной! – вполголоса приказал капитан Николаев.

Володя кинулся следом за побежавшими взрослыми.

Вернулись минут через двадцать, но, кроме Воронина, никого не встретили.

– Вы слышали выстрелы? – спросил его капитан.

– Да. Стреляли в той стороне, где приземлился Богданов.

– А почему не помогли? – строже спросил Николаев.

– Далековато было. Да и открываться не хотел, – виновато ответил парень. Опустив голову, Воронин стоял, переминаясь с ноги на ногу. Он чувствовал себя неловко. Может, и вправду Костя Богданов оказался в беде, а в таком случае «сам погибай, а товарища выручай», говорит старая солдатская поговорка.

На этом, казалось, инцидент закончился, но, когда рассвело, Володя услышал

команду: «Тревога!»

Встать очень не хотелось: приснилась Одесса. Когда открыл глаза, то не успел даже разглядеть поголубевший на рассвете лес, сразу тронулись в путь.

Стояло тихое утро. Такое тихое, что не верилось в близость опасности, в то, что рядом где-то фашисты. В ветвях раскидистого клёна, как весной, напевал свои утренние песни дрозд. Он так заливался, что не хотелось думать о войне, а в голову шли мысли о далёком теперь довоенном времени, о любимой родной Одессе, где остались одноклассники. В этой тишине слышалась команда:

– Воронин вперёд! Остальные, ложись!

Володя прижался к земле недалеко от дяди Васи. Он видел, как во весь рост встал черноглазый красивый весельчак Иван Воронин, как зашагал туда, куда махнул рукой командир. Капитан, наверное, считал: если Воронин и вправду был далеко от места, откуда стреляли каратели ночью, то пойдёт не опасаясь, а если – близко и не помог... Об этом не хотелось даже думать.

В ожидании засады любой «храбрец» выдаст себя...

Это была жестокая проверка, но в боевых условиях Николаев иначе поступить не мог и не имел права.

Воронин тем временем шёл по лесу. Казалось, что он потерялся из виду. Да и сам командир уже наверно начал сомневаться в своей затее: фашисты не такие уж и дураки, чтоб до сих пор ждать в лесу тех, кто придёт на выручку Богданову. Если сграбастали Костю, то давно уже дрыхнут...

И всё же лесное эхо загрохотало на весь утренний лес, и Воронин упал как подкошенный... Володя услышал, как ругнулся капитан Николаев:

– Такого парня загубил!

Вражеские пули звякали о камни, секли сучья клёнов, поднимали на земле пыль. Так продолжалось минут пять. Володя ещё больше прижался к земле, наконец, всё затихло.

Потом поднялись два фашиста. Один высокий, стройный, с чёрной шевелюрой, в мундире фельдфебеля и железным крестом на груди. Другой без погон, ростом пониже, рыжим. Он был в кожаном пальто хромовых сапогах.

Каратели направились к сражённому Воронину. Тот, что с крестом, проходил недалеко от притаившегося дяди Васи. Прогремел выстрел и, схватившись рукой за крест, фашист рухнул на землю. Поняв, в чём дело, его приятель повернулся бежать, но чьи-то выстрелы из автомата не дали ему сделать и двух шагов...

– Гляньте, Воронин! Чтоб ему всегда так везло! – закричал на весь лес Володя.

«Вот это падает! Мне бы так научиться!» – думал он, поняв, что разведчик так умело упал, что ни одна вражеская пуля его не задела.

Вскоре из Кизилташа возвратилась другая группа поиска. Они рассказали: ночью вражеские часовые стреляли по спускающемуся на парашюте Косте. Тяжело раненного Богданова они схватили, едва он коснулся земли.

II

Спустя день Володя с дядей Васей, «проголосовав» на шоссе, уже ехали на автомашине рыбзавода из Старого Крыма в Феодосию. Документы их были «подлинными»: заготовленные ещё на Большой земле. С сумками через плечо, в которых видны были инструменты, они спинами прижались к передней стенке кузова. В Изюмовке машина подобрала ещё одного попутчика. Он был одет в матросский

бушлат, из-под которого виднелась полосатая тельняшка. Бывшему матросу было лет тридцать пять. Чернявый, с покатыми плечами и острым взглядом, он то и дело надоедал дяде Васе своими вопросами.

– В Феодосию?

– Туда! – нехотя ответил дядя Вася, поправляя над седым чубом кожаный картуз. Привалившись к его плечу, на ящичке для чистки обуви дремал мальчик. Изредка вздрагивая, на ухабах Вовка открывал щёлочки глаз.

– Ваш внук? – кивнула «тельняшка» на Володю.

– Он, – ответил дядя Вася, чтоб поскорей отвязаться от любопытного попутчика, и подумал: «Не помешал бы», но в свою очередь спросил:

– А вы далече?

– Я-то? на вопрос вопросом ответила «тельняшка». – Я в Китень. Есть такой хутор за Феодосией на Азове. Тётка у меня там.

Володя сквозь щёлочки глаз видел колкий взгляд попутчика, буквально пронизывающий собеседника.

«Ишь как зенками стреляет! Сволочь! Сразу видно: ищет кого-то, сексот проклятый!»

Тем временем попутчик изучал лица мастеровых: «Косы у обоих прямые. Глаза у деда серые, а у внука чёрные. Это бывает. Разлёт бровей вроде одинаковый». Маленькие, широко расставленные глазки попутчика вроде успокоились. Он теперь не сомневался: это дед и внук. «Едут в город Феодосию покалымить. Значит, жрать нечего».

Об этом нетрудно было догадаться: после разгрома немцев на Северном Кавказе у «Голубой линии», Крым оказался отрезанным от хлебных районов Кубани и Украины. С продуктами туго.

У въезда в Феодосию часовые проверили документы. Затем, натужно визжа, потрепанный немецкий грузовик въехал на Карантинную горку. У городской больницы он вовсе остановился и заглох. Воспользовавшись этим, мастеровые соскочили и, поблагодарив шофёра, зашагали в сторону Корабельного переуллка, где им предстояло жить на квартире. От их взглядов не ускользнуло то, что попутчик вместо Китени заехал на Карантин и тоже соскочил на землю. Потом заспешил к стоявшей у оврага будке часовщика.

Видя, как ему кивнул в сторону будки дядя Вася, Вовка, будто по нужде, кинулся к оврагу и сразу до него донёсся голос попутчика:

– Вы часы «Омега» ремонтируете?

– Смотря кто их владелец, – ответил мастер.

– Старый Крым, – снова послышался полушёпот попутчика.

– Тс! Нас могут подслушать! Не Старый Крым, а Солхат! – уже тише произнёс отзыв на пароль часовщик и добавил: – За часами придёте завтра в девять утра.

Сомнений не оставалось: это был провокатор.

Под башмаком стоявшего на склоне оврага Володи хрустнул камень. В мгновение ока в открытой двери показалась бритая голова часовщика:

– А, проклятое семя! Всю будку загадили!

– Уже и в овраг сходить нельзя, куркули проклятые! – обиженно шмыгнув носом Володя и застегнул штанишки...

Если взглянуть на карту Восточного Крыма, то в глаза бросится извивающаяся между гор голубая линия речки Чурук-су. Во всех ущельях журчат, спеша к ней,

ручьи. А она петляет и петляет между гор, пока ни достигнет Старого Крыма, обогнёт с северо-востока Изюмовку и направится через Первомайское в Новопокровку. И только минуя небольшую степную деревушку Красновку, пропадёт в камышах и направится к Сивашу. Излучину за излучиной выгибает она, прячась под раскидистыми дубами, журчит на перепадах у вросших в землю могучих буков.

А иногда выскочит на окраину полянки – чистая, светлая, радостная – не широка, не могуча – всего два шага! Но так прозрачна, так жизнелюбива!

Многое помнит журчащая Чурук-су! По её берегам некогда кочевали племена скифов и тавров. В её светлых струях с незапамятных времён освежались храбрые воины Киммерии и Скифии. Её зеркальная гладь отражала щиты и кольчуги древних эллинов, позолоченные шлемы диких гуннов, красивые профили одетых в зелёное походное платье амазонок Фанагории.

Неумолимое время прогрызло её каменные берега, древние дороги на них прорезало колёсами так, что колея вошла в камень на целый локоть. Встречным здесь не разъехаться. Потому и кричали в старину крестьяне, въезжая в лес: «Обожди, проеду!» Кричали, не видя, едет ли кто навстречу.

Время превратило в прах стены дворцов и храмов, некогда украшавших столицу крымского ханства Солхат. От одиноких некогда змеившихся на их стенах трещин до приземистых куч битого кирпича и трухи – таков путь веков. Время не пощадило ни толстых стен монастырей, ни могучих властелинов-завоевателей. Оно не оставило в памяти позолоченные луковки церквей, некогда удивлённо глядевших в зелёную сказку леса. А вот тонюсенькая ниточка Чурук-су все голубеет. Она не подвластна времени...

На её берега неслышными ручейками стекались собранные с большим риском по крупинке данные советских разведчиков со всех районов Восточного Крыма. Особенно часто приходили они от дяди Васи и Володи Петровых, живших на квартире у М. В. Бойко в Феодосии. Каждое утро, выйдя из дома, Володя кричал:

– Вёдра чиним, кастрюли лудим! Ножи точим!

А какая хозяйка откажется от годной кастрюли или исправного ведра? И пока дядя Вася лудил кастрюли, Володя предлагал свои услуги в чистке обуви, приговаривая:

«Эх, начищу! Эх, надраю!

Так, что даже засияют!»

Последние дни «мастеровые» зачастили на железнодорожную станцию Сарыголь. По данным разведки партизан где-то там фашисты разместили свою зенитную батарею, стрелявшую по советским самолётам, направляющимся к занятому гитлеровскими войсками морскому порту.

Приспособив двуколку для перевозки багажа, дядя Вася выкрикивал:

– Кому-у-у куда-а-а-?

А Володя комментировал:

– Вридной устроились.

– Это что должность такая у одесситов? – спрашивал дядя Вася, не чувствуя подвоха.

– Не-е! Первые буквы сокращённых слов: «временно исполняющий должность лошади» – кивал Володя на проходивших мимо фашистов и полушёпотом добавлял:

– Эти прохвосты с голодухи всех лошадей пожрали, так вы исполняете

обязанности одной из них. Но временно!..

С завидной ловкостью чистил Володя обувь прохожим, получая за это гроши. Монеты он бросал в коробочку из-под зубного порошка, на которой был нарисован красивый пионер. Рядом с сундучком на фанерке из посылочного ящика кривыми буквами он вывел: «Граждане! Не унижайтесь долгом, платите наличными!»

И, если не было клиентов, пел на мотив «Синенького скромного платочка», подразумевая фашистов:

«Вот и зима наступила.

Вьюг нас, куда ни ступи.

Геббельс болтает, чёрт его знает,

мы ж замерзаем в степи...» –

Вокруг собирались слушатели, а Володя продолжал частушкой, придуманной партизанами Крыма:

«Фрицы Крым родной забрали.

Немец жаден – всё учёл.

Скот побили, кур покрали, добрались и до пчёл...»

Прохожие улыбались, а Володя говорил:

– Я из ваших улыбок рубаху не пошью. Слушать слушали? Давайте рассчитаемся!

Люди бросали медяки в баночку, а на Володин ящичек тем временем встал огромный немецкий сапог, и послышался вопрос:

– Вас ист дас «пчёл»? Чистить – блистить!

Угодливо пригнувшись, Володя надраил фашисту один сапог и только приступил к другому, как завывла сирена и в небе показались советские самолёты. И тотчас сапог сорвался с сундучка.

– А платить кто за тебя будет, гад такой? – пытался остановить немца юный чистильщик, но тот уже бежал к берегу и на ходу спрашивал.

– Вас ист дас «гад»?

Володя воспользовался суматохой, взобрался на карагач, впился взглядом в береговую черту, откуда уже гремели выстрелы, и от удивления ахнул:

– Из баков стреляют!

Действительно, зенитки вели огонь из больших нефтебаков, накрытых маскировочной сеткой. Раздался взрыв. Ударной волной повалило на бок стоявший невдалеке ларёк. Охнул и тотчас упал карагач. Вовка вскочил, на ходу схватил сундучок и задал стрелкача.

В тот вечер на Большую землю ушла информация с координатами зенитной батареи гитлеровцев. А дня через два Володя снова увидел советские самолёты над Сарыголем, и от вражеских зениток в баках не осталось и следа. Считая взрывы с Карантинной горки, он взволновано шептал:

«Это вам за папу! Это – за Одессу! А это за всю нашу страну!»

А у самого по щекам текли слёзы.

Вскоре в жизни юного разведчика настали перемены. Теперь он ходил в горы и подсчитывал движущуюся по шоссе военную технику. Однажды, закончив наблюдение, он едва спустился с горы, как из-за поворота ему преградил дорогу фашист:

– Хальт!

Промедли мальчик хоть секунду, всё кончилось бы плохо. Но шустрый Володя мигом скатился под откос и скрылся в кустарнике. Автоматная очередь застрекотала

по кустам. И всё стихло... С чувством удовлетворения немец направился в кусты, где, по его мнению, упал мальчик. Кустарник был колючим и густым. Он спускался по крутому склону. Фашист прошёл шагов сто и никого не обнаружил. «Видно, заблудился», – подумал он и решил по тропе подняться снова на дорогу. Извилистая тропа шла мимо огромной глыбы, возле которой и остановился немец, чтобы передохнуть. Он всматривался в кустарник, где упал русский. Ничто не нарушало тишины. И вдруг по каске немца с глухим звоном ударил камень. Немец изломался в коленях и как подкошенный рухнул, выпустив из рук автомат... Следом за ним по склону затарахтел ещё один большой камень.

Володя выждал несколько мгновений и с изворотливостью мартышки кинулся к автомату. Рожок его был почти полностью заряжен. В ту ночь мальчик шёл по лесу и говорил про себя: «А ведь дядя Вася будет меня ждать в лесу у намеченного места. «Но другой голос возражал: «Я не должен возвращаться на место встречи, потому что возможна засада!»

Строгий капитан Николаев спросит с дяди Васи, если он придёт без меня. Надо бы хоть поближе к месту встречи подойти, может, встречу...

Однако поиски дяди Васи ни к чему не привели. Надо было добираться в лес.

Колючий кизильник, росшие в овраге лещины царапали лицо и руки маленького разведчика. Уже забагровел закат и посинело на востоке небо. Уже осталась позади дорога в Двухъякорную бухту и кусты кизильника сменила сизая полынь степей. Потом полынь сменили небольшие кустики татарника, среди них стали появляться небольшие дубки. Эти дубки стали сгущаться в рощицы и спускаться к высокому, нетронутому войной лесу.

Только за горой Клементьева, в густом лесу, Вовка наконец остановился. Прислушался. Казалось, что сердце выскочит из груди. Кроме его стука не было слышно ничего. Но, что это? Показалось, будто поёт птица. Володя оглянулся: тихо журчала вода. Вода речки Чурук-су. Кажется, в переводе на русский язык Чурук-су означает журчащую воду. Клокоча тонкой струйкой, будто ручей, она тоненьким голоском манила к себе. К ней не раз припадали губами усталые партизаны, называя своей спасительницей.

Из её лагунок, не замутив чистоты, можно было набрать консервной банкой воду на чай или партизанскую похлёбку. Вечерами на её берегу партизаны разводили костры и за разговорами пили настоенный на травах душистый чай. Из неё брали воду, когда устраивали в обыкновенной солдатской палатке партизанскую баню, где стояли бочки с нагретой раскалёнными камнями водой. Володя не раз мылся в такой бане.

Под её журчание партизаны вели вечерние разговоры, женщины баюкали своих детей и латали одежду бойцам, а сверстники Володи перебирали собранные днём грибы и ягоды. Мужчины тем временем готовились к завтрашним боям.

Летом речка утоляла жажду, а зимой согревала. Ведь без неё не приготовишь ни обеда, ни чаю. И трудно представить, как бы обходились без неё партизаны.

Пробравшись через колючий кустарник ежевики, Володя наклонился, чтобы попить, но в самый последний момент раздумал: запалишься. И только, зачерпнув в пригоршню, омыл лицо.

Неожиданно из темноты вырос дядя Вася:

– Вовка, родной мой, жив!?

– А то как же! – поправляя новенький немецкий автомат, вытянулся по команде «смирно!» Володя.

Когда добрались до стоянки, то в тусклом свете костра партизаны увидели на лице мальчика пробороздившую щёку глубокую царапину. Нижняя губа и переносица тоже были рассечены. Брюки и куртка превратились в клочья.

Видя, как его оглядывает со всех сторон дядя Вася, Володя успокоил:

– Ничего, тётя Люся пошьёт из парашютных сумок новые...

В ту ночь они не застали капитана Николаева на месте.

Все их боевые друзья отправились на встречу самолёта с Большой земли. Туда же пришли и партизаны отряда капитана Кузнецова, среди которых оказался пропавший в первую же ночь Борис Колядин. Он, как оказалось, при приземлении поломал обе ноги, и партизаны его спасли...

Помощников у разведчиков становилось всё больше. Пришла, например, в их группу тётя Люся. Люся – её конспиративная кличка, а настоящее имя мало кто и знает. Только известно, что она «родная» тётя Володиной ровесницы Вали, которая теперь живёт в одной палатке с дядей Васей. Валина мама – родная сестра тёти Люси. Она обстирывает разведчиков, а тётя Люся шьёт одежду и ходит в разведку.

Володя уже был с ней в Китени, где рыбаки организовали подпольную группу патриотов во главе с дядей Мишей Царевым. Там Володя узнал, что никакой попутчик в тельняшке туда не приезжал. Значит он – фрицевский сексот! А что такое предатель в подпольной группе, известно каждому патриоту. От такого паразита нужно быть подальше.

Переехав в Старый Крым, дядя Вася уже давно охотится за ним, но никак не найдёт. Видать скрывается, гад такой!

Дядя Вася устроился водовозом. Ему купили и доставили в лес ослика, на котором он развозит по домам воду и топливо. Начитавшись книг про индейцев, Володя неповоротливого и ленивого осла в шутку прозвал «диким мустангом». Увидев, как «дикий мустанг» понуро опустил голову и стоит «уши врозь – дугой ноги», Вовка кричал:

– Держите! Держите ради бога под уздцы, а то разнесёт карету!

Каретой он называл маленькую телегу, в которую был впряжён «мустанг» и на которой взгромоздилась бочка с водой.

«Дикий мустанг» тем временем и не думал разносить водовозку. Дядя Вася почитал за счастье, если он шёл хоть шагом. Чаще же животное показывало свой ослиный характер, остановившись на дороге как вкопанное. В таких случаях никакие силы, казалось, не могли его сдвинуть с места. Но и тут Володя проявлял свою находчивость, подходя к упрямому ослу:

– Сейчас мы решим задачку «от противного».

– Это как ещё? – недоумевал его старший товарищ, улыбаясь.

– Используем ослиное упрямство в нашу пользу, – отвечал Вова и, взяв за кисть хвоста впряжённого в телегу ослика, сильно тянул назад. «Мустанг» упирался, противясь такому вероломству, и трогал с места...

Дядя Вася хохотал от души и благодарил Володю за выручку. Он ездил за дровами на склон горы Агармыш, где их заготавливала военнопленные из «рабочей команды», охраняемой гестаповцами... Рабочая команда – не что иное, как пригнанные из концлагеря советские люди. С дядей Васей на Агармыш зачастил и Вовка. Ему поручили разведать, что за новая часть гитлеровцев расположилась здесь. Прошло несколько недель, прежде чем это удалось сделать.

Однажды, на одной из тихих старокрымских улиц, Вовка поспешил за двумя

фашистами. Встречные уступали гитлеровцам дорогу, а вражеские солдаты отдавали честь. Попробуй, не уважь фельдфебеля!

Свернув за ними в один из глухих переулков и убедившись, что поблизости никого нет, Володя произнёс:

– Идите, не оглядывайтесь. Докладываю: у горы Агармыш стоит новая часть Ф-73 под названием «Ромашка», в которой около двухсот автомашин с баллонами, склад, где хранятся снаряды...

В ответ услышал:

– Ждём тебя у Армянского монастыря!

– Добро! – ответил Володя и, словно от нечего делать, вприпрыжку побежал к игравшим на поляне мальчишкам.

Прохожим было невдомёк, что в мундирах гитлеровцев по городу шли советские разведчики Николаев и Хлопонин.

Конечно, Вовке досталось тогда «на орехи» за нарушение конспирации, но дело было сделано: химическая дивизия врага была раскрыта, как после узнали, она использовалась фашистами ещё в катакомбах Одессы...

На очередное задание Володя шёл с тётёй Люсей. Шёл рядом и любовался её красотой. Он знал, что черноглазая, смелая феодосийка любила свой город, где старые улочки и древние башни соседствуют с новыми проспектами, где за каждой калиткой в двориках открывается целый мир с лестничными каскадами, с резными крылечками, с террасами и перголами, где вьётся виноградная лоза...

Но в начале ноября 1941 года в Феодосию ворвались фашисты. Они изрыли улицы траншеями, опутали набережную колючей проволокой, позакрывали школы. Жилые дома и храмы полегли в руинах. Тротуары завалены грудями битого кирпича. На улицах и проспектах скорченными руками зарытых в землю великанов застыли обугленные тополя... Скелетами раненых птиц согнулись у причалов порта искорёженные фашистскими бомбами краны. Страшными пустыми глазницами окон зачернели церкви и мечети.

На картинную галерею имени И. К. Айвазовского прищуренной амбразурой целился дот, а из её просторных залов несло... ржание лошадей... Там «цивилизованные» немцы устроили конюшню...

От этого у феодосийцев в гнев сжимались кулаки. Днём они старались не выходить на улицу, но с наступлением темноты ночную тишину то и дело разрывали выстрелы. Стало работать патриотическое подполье.

Пытаясь сломить сопротивление местного населения, гитлеровцы вскоре заполнили прилегающие к городу овраги и противотанковые рвы трупами убитых и замученных во время пыток...

Эшелонами гитлеровцы отправляли молодых феодосийцев в германскую неволю... В одном из корпусов ранее принадлежавшей Стамболи феодосийской табачной фабрики они устроили фабрику смерти. Оттуда по ночам то и дело отходили крытые фургоны с очередными жертвами. Однажды фашисты ворвались в дом Каманских, чтобы сделать обыск. Но предупреждённая заранее друзьями Мария Константиновна спрятала всё, что могло повредить ей при обыске. Фашисты ушли ни с чем, но Марию все-таки арестовали. Чудом вырвавшись из застенков гестапо, Мария в ту же ночь ушла к партизанам в лес. Там получив задание от командира разведгруппы, под именем Люси она ушла в разведку.

Бойкая, решительная, она подходила по характеру юному разведчику. Вместе с

Володей было спокойней. Он был якобы её племянником и не раз ходил на вылазки то в Судак, то в Старый Крым, то в Феодосию.

В ноябре 1943 года фашисты сожгли деревню Шах-Мурза как «партизанское гнездо», объявив всех обнаруженных там партизанами. Тётя Люся и Володя шли мимо сожжённой деревни в лес за паролями, когда им повстречалась одна из помощниц партизан Валя Останина. Женщины обнялись от радости, и тут раздался окрик:

– Хальт!

«Засада!» – мелькнуло в голове Люси, и она крикнула:

– Володенька, беги!

Мальчик в одно мгновение скрылся в кустарнике, а женщин задержали фашисты. В тот же день их бросили в Старокрымскую тюрьму. Начались пытки. Женщины отрицали знакомство друг с другом, объясняя объятия при встрече русским обычаем.

Они убедили фашистов, тем более что с понедельника Люся должна была выйти на работу в столовую румын. Гитлеровцы проверили показания. Все они подтвердились. Женщин собрались уже было выпустить, осталась одна формальность: очная ставка с арестованной ранее некоей Дорой. И тут все осложнилось. Дора заявила, что знает Люсю как партизанку Марию Каманскую, что вместе они праздновали седьмое ноября...

– Ты с ума сошла! – сдерживая волнение, закричала Каманская. Но та настаивала:

– А ты забыла, как одалживала мне на праздник платье и поднимала тост за Советскую власть?

Этого было достаточно, чтобы патриоток забрали из тюрьмы в гестапо, откуда их уже не выпустили...

После Володя слышал, что на допросах Мария Константиновна вела себя мужественно, как и её подруга Валя. Даже под пытками не сказала о разведчиках ни слова.

Старокрымчане рассказывали, что она даже фашистов поражала духовной красотой. Держалась гордо, с достоинством. Не случайно гитлеровцы прозвали её «Шен-Марие», т. е. Мария Прекрасная.

Схватившие тётю Люсю и «Смелую» (Валю Останину) гитлеровцы знали, что заодно с ними действует ловко избежавший ареста черноглазый паренёк. Они стали искать Володю. Капитан Николаев приказал мальчику уйти в лес. Володе ничего не оставалось делать, как сунуть свои вещички под хозяйкину кровать и отправиться в лес. С собой он взял только коробочку из-под зубного порошка, где хранил деньги.

У кинотеатра его внимание привлекла пёстрая афиша нового кинофильма «Тарзан». Соблазн был велик. Володя потрогал в кармане коробочку и подошёл к кассе.

Когда сеанс уже подходил к концу, в зале неожиданно вспыхнул свет. У дверей, как изваяния, застыли гестаповцы с большими бляхами на груди. Облава! •

Володя кинулся было за экран, думая найти выход, но и там уже топтался фашист.

Вылезть в окно невозможно. Да лучше, наверное, выйти в толпе: может быть пронесёт. Но спустя минуту, понял, что ошибся.

На русоволосых подростков, пришедших в кино, вооружённые гестаповцы не обращали внимания. Зато всем черноглазым приказывали отойти в сторону...

... Его бросили сначала в душную, пахнущую отбросами общую камеру. Потом, толкая прикладом в спину, погнали в одиночную. Наутро начались пытки. Володя

отказался отвечать, ёл себя исключительно стойко. Порой даже дерзко.

– Ты из группы Николаева? – слышался вопрос палача Михельсона. И в ответ слышался насмешливый голос Володи:

– Это не та ли группа, что на Дерибасовской контрабандным шоколадом торговала?

– Где капитан Николаев? – снова следовал вопрос.

– Не иначе, как в Одессе! Она открыта, как Байдарские ворота, для всех, кроме захватчиков, – опять дерзил Володя. И после каждого такого ответа ощущал новый ожог удара.

«Самое главное не показать вида, что многое знаю», – думал Володя и терпел. А тем временем рука палача тянулась к волосам мальчика – рывок, и снова острая обжигающая боль в голове.

Володя вынес всё. Придя в себя, он понял, что дрожит. Его обливали холодной водой. Обрывки одежды были сырыми. «Кажется, ничего не сказал», – мысленно обрадовался он, вспоминая своих боевых друзей, своё знакомство с ними.

Это было в Сочи, куда эвакуировался госпиталь, где он лечился после контузии. Однажды туда привезли седого старшего лейтенанта, который настолько ослаб, что еле держался на ногах...

– С креста тебя сняли, что ли? – спросила его работавшая санитаркой Володина мать Евгения Павловна.

– Хуже, – ответил седой и, уснув на кровати, сразу же начал бредить: «Бей фашистских гадов!» И ещё просил о помощи кого-то. Метался. Потом утихал, садился на постели и вытирал со лба холодный пот...

О нём в госпитале говорили с намёком: «Он оттуда!» Это значит, с тыла врага. Вскоре седой узнал о том, что Павлик несколько раз пытался бежать на фронт, чтобы отомстить фашистам за погибшего отца, и посоветовал:

– Не торопись. Вот подлечусь и возьму тебя с собой. Поедешь?

– Хоть сейчас! – радовался Павлик.

С этого дня их часто видели вместе. Они прогуливались по двору, помогали колоть дрова рабочим, чинили неисправную кухонную посуду.

Как-то к находившемуся поблизости штабу подошла легковушка. Её пассажиров Павлик заинтересовал своей пляской.

– Вот бы кого взять с собой: не вызовет подозрения, а сработает за взрослого, – услышал о себе Павлик.

– Мать с отцом не отпустят, – возразил другой голос.

Вскоре после разговора с матерью, работавшей санитаркой в местном госпитале, его зачислили в группу подготовки и дали конспиративное имя Володя...

О своей работе в разведке он не говорил ни с кем. Даже с ровесницей Валею, жившей с матерью в палатке дяди Васи. А как она нравилась ему! Её одну он в мыслях поклялся пригласить в родную Одессу после войны. Валя! Она такая весёлая и красивая! Чуть ниже ростом – они не раз мерялись, становясь спиной друг к другу, – аккуратная, хоть и с торчащими в разные стороны косичками. И говорит с каким-то грудным оттенком в голосе, который звенит, будто колокольчик. У неё большие голубые глаза, миндалевидные и с длинными-предлинными ресницами!

И чего это взрослые зовут её «козой»? Наверное, потому, что Валя шустрее всех и любит прыгать на одной ножке. Она быстрее любого мальчишки может забраться на дерево! Не зря во время операции партизаны посылают её наблюдателем. А еще Валя

много смеётся. Такие красивые, как она, наверное, никогда не плачут. Нет. Вчера плакала, когда приходила на свидание. Чтобы отвлечь стоявшего рядом фашиста, она ещё сказала:

— У нас на Новый год румыны плясали...

— И у нас было не хуже, — ответил Володя и поднял на спине рубашонку, под которой открылась сплошная кровавая рана... Увидев её, Валя закрыла ладошкой рот и чуть не упала в обморок. Потом обняла Володю, заплакала и поцеловала в ухо. Так, что оно горит до сих пор...

«Вот только глупо получилось, что я попался», — думал Володя. «А ведь знал, что разведчик ошибается только раз. Знал, что вокруг него хитрый и коварный враг, долго следивший, чтобы поймать в западню и его, и тётю Люсю, и Валю Останину...

Володя знал, что гитлеровцы не посчитаются с его возрастом, когда поймают. Не пощадят. Но, даже обладая богатой фантазией, он и представить не мог, чтобы пытки были такими зверскими.

У палача Михельсона был широкий арсенал пыток. Была, например, плеть, которой не было износа. Её сделали в «цивилизованной» Германии: внутрь бычьей кожи вставлена стальная проволока. Были и пыточные камеры со звуконепропускаемыми перегородками. Была скамья «коза», на которой, как на дыбе, распинали советских патриотов.

Придя в себя, Володя не так переживал от боли, как от сознания того, что подвёл дядю Васю и не выполнил наказ матери. Хотя как сказать, не выполнил. Он за прошлые три месяца принёс командованию не одну дюжину важных донесений о боевой технике и дислокации противника, сделал десятки опасных выходов один на один с коварным врагом. И всё-таки жаль, что его жизнь заканчивается не так, как хотелось бы. От этого мальчик даже плакал, мысленно обращаясь к далёкой теперь, но всегда самой близкой матери: «Прости меня, мамочка, я не хотел этого. Мне только чуточку хотелось побыть мальчишкой, а надо было оставаться солдатом до конца...»

Это мысленное обращение к матери придавало Володе сил, и он держался.

Ничего не добившись, фашистские изуверы перешли к более изощрённым пыткам. Они подвешивали Володю вверх ногами, били палками по пяткам, клали на скамью и клещами инквизиторов выкручивали суставы. Если бы каменные стены пыточной могли плакать, то, видя все это, они рыдали бы. Володя терял сознание и, придя в себя, снова только стонал...

Изувечив до неузнаваемости, фашистские костоломы бросили его в больницу. Об этом тотчас же стало известно его боевым друзьям. Разведчики решили вызволить Володю. Быстро разработали план, уточнили место, где стоит часовой, охранявший его палату. Договорились с обещавшей помочь санитаркой. В назначенный час капитан Николаев пришёл с помощниками к зданию больницы. В ожидании сумерек переодетые в фашистскую форму разведчики залегли в овраге. С наступлением темноты они вошли в здание, чтобы снять часового, но их встретила знакомая санитарка со слезами на глазах:

— Володю увезли часа два назад!..

— Срочно в лес! — скрипя зубами приказал Николаев. Бежали не останавливаясь, прямо к штабу партизан. Там Николаев попросил командира:

— Беда! Фашисты схватили помощника Володю Петрова! Неделю нет вестей от дяди Васи! Помогите!

Уже вечером следующего дня шесть партизанских отрядов лавиной хлынули на

Старый Крым. Впереди шли разведчики группы Николаева. Гитлеровцы знали, что партизан в лесу прибавилось, но такого мощного налёта всё-таки не ожидали. Запылала пожарами окраина города. Взлетели на воздух освещённые заревом пожаров два склада с горючим. Возгласы: «За Крым!», «Даёшь Старый Крым!» вскоре доносились уже из центра города. У здания городской полиции партизаны штурмовали здание тюрьмы. Уничтожив охрану, они ломами взломали запоры и освободили сорок шесть обречённых советских патриотов, приговорённых к смерти. Среди освобождённых оказался и руководитель группы подпольщиков-рыбаков Михаил Фёдорович Царёв.

Володи же, к сожалению, нигде не было. Только на стене одной из камер партизаны прочитали нацарапанные твёрдым предметом слова: «Завтра нас расстреляют. Прощайте, товарищи! Я ничего не сказал. Мама, не горюй. Я ни капельки не боюсь. Володя».

Это были последние слова юного пионера-разведчика. Всю ночь тогда город Старый Крым был в руках партизан. Они захватили много трофеев, уничтожили тринадцать автомашин, более ста солдат и офицеров врага. А через полтора месяца 13 апреля 1944 года Крым, за исключением Севастополя, стал свободным.

В начале мая 1944 года Москва салютовала освобождённому от фашистов Севастополю и всем героическим войскам Советской Армии, освободившим Крым.

А после прозвучали впервые слова Указа о награждении юного разведчика Павла Ларишкина орденом Отечественной войны I степени посмертно.

Спустя годы у берегов журчащей речки Чурук-су, одна из улиц Старого Крыма, стала называться именем Павла Ларишкина. А воды мирового океана стал бороздить красивый теплоход-сухогруз, построенный на судовой верфи Восточной Германии, с дорогим для ребят названием «Пионер Павлик Ларишкин». Это имя носили многие отряды и дружины, а также улица и школа города Одессы, где жил и учился юный разведчик.

Публикуется по: Рудь Я. Павлик Ларишкин //Рудь Я. Сказания о Феодосии (этюды истории). – Симферополь, 1994.